

РОССИЙСКАЯ ЭСТЕТИКА МЕЖДУ НОВЫМИ И СТАРЫМИ ОРИЕНТИРАМИ

ЕЛЕНА УСТЮГОВА

Елена Николаевна Устюгова – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: elena.ust@gmail.com

В статье рассматривается взаимодействие российской эстетики с европейскими эстетическими теориями в современном социально-историческом контексте. Отмечается, что она обрела свое лицо внутри европейской традиции, погружаясь в экзистенциальное, этическое самосознание российской культуры. После советского периода изоляции от западной постструктуралистской, феноменологической и герменевтической эстетики отечественная эстетика первой четверти XXI в. переместилась сначала в поле постмодернизма, а затем актуальных концепций чувственного опыта и всеобщей эстетизации. Она пропустила фазу развития европейской эстетической мысли, представленную философией французского и немецкого экзистенциализма: экзистенциальных поисков личности, ответственности за моральный выбор, антагонизма элитарной и массовой культуры. В XXI в. общей мировой тенденцией концептуализации эстетики стало обсуждение предмета эстетики. Роль ведущего направления в самоопределении эстетики приобрела трактовка эстетического как интенсивности чувственного самоощущения индивида при непосредственном соприкосновении с вещественным миром. При этом образ реальности утрачивает символическое измерение и способность к развитию. В статье анализируются и сопоставляются две трактовки предмета эстетики: как чувственного опыта индивида и как чувственно-сверхчувственного,

эмоционально-ценностного отношения к миру. Делается вывод, что для развития российской эстетики в сложившемся в настоящее время социальном контексте важно современное осмысление идейных традиций самосознания отечественной культуры, разработка фундаментальных проблем включенности эстетики в систему исторического мировоззрения, обогащение актуальной эстетики смыслами экзистенциальной философии, исследование современных ракурсов взаимосвязи этического и эстетического в искусстве. С этих позиций российская эстетика может включиться в мировую дискуссию об определении предмета эстетики.

Ключевые слова: предмет эстетики, культурный контекст, чувственность, ценности, экзистенциальные смыслы

RUSSIAN AESTHETICS BETWEEN NEW AND OLD REFERENCE POINTS

Elena Ustiugova

D. Sc. in Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

E-mail: elena.ust@gmail.com

The article examines the interaction of Russian aesthetics with European aesthetic theories in the contemporary socio-historical context. It is noted that it has found its face within the European tradition, sinking into the existential, ethical self-consciousness of Russian culture. After the Soviet period of isolation from Western post-structuralist, phenomenological and hermeneutic aesthetics, the Russian aesthetics of the first quarter of the 21st century has moved first to the field of postmodernism, and then to the actual concepts of sensual experience and universal aestheticization. It missed the phase of development of European aesthetic thought represented by the philosophy of French and German existentialism: existential quest of personality, responsibility for moral choice, antagonism of elitist and mass culture. In the 21st century a common global trend of conceptualisation of aesthetics has been the discussion of the subject of aesthetics. The role of the leading direction of self-definition of aesthetics has been interpreted as the intensity of the sensual self-perception of the individual in direct contact with the physical world. In this case, the image of reality loses its symbolic dimension and its ability to develop. The article analyses and compares two interpretations of the subject of aesthetics, namely the sensual experience of the individual and the sensual-supersensual, emotional-valuable

attitude towards the world. The article concludes that modern understanding of ideological traditions of self-consciousness of native culture, elaboration of fundamental problems of aesthetics integration into the system of historical worldview, enrichment of actual aesthetics with existential philosophy meanings, investigation of modern perspectives of interrelation of aesthetic and ethical in art are important for the development of Russian aesthetics in the current social context. From this perspective, Russian aesthetics could join the global discussion on the definition of the subject of aesthetics.

Keywords: the subject of aesthetics, cultural context, sensuality, values, existential meanings

Введение

Вопрос о перспективах дальнейшего развития отечественной эстетики в современном социальном и культурном контексте связан с осмыслением ее исторических путей и места в контексте мировой эстетики. Судьбы российской эстетики всегда определялись ее стремлением встроиться в целостную мировоззренческую парадигму, отвечающую запросам современного общества и культуры. В середине XIX в. эстетика, включившись в революционно-демократическое направление русской мысли, отстаивала социально-гуманистический нравственный идеал искусства и его роль в преобразовании общества. В конце XIX-нач. XX вв. отечественные философы, критически оценивая состояние современной культуры и искусства, находили его причины в потере общих смыслов и повороте к субъективизации культуры. Они видели перспективу выхода из кризиса в религиозной парадигме культуры, ядром которой стала теургическая эстетика, трактовавшая красоту и художественное творчество высшими ценностями, на основе которых возможно преобразование человеческой жизни и построение совершенной культуры будущего. Поиск новых оснований целостности культуры и человека в целях творческого преображения всей жизни вдохновил теоретиков и практиков раннего авангарда XX в. на создание жизнестроительной концепции искусства, реализующей представления о творческом саморазвитии универсума как жизненного мира, синтезирующего универсальное и человеческое, бытие

и сознание. Искусству при этом отводилась великая созидательная миссия соединения стихии природы (бытия) с человеком, что должно было привести к подлинной реальности как целостности единой творческой материи жизни.

Но в 1930-50 гг. на пути осуществления этих творческих замыслов встала культурная политика Советского государства, утверждавшая главенство идеологической воли над свободной творческой самореализацией человека. Эстетика стала частью марксистской идеологической парадигмы, определявшей ее содержание, структуру и проблематику, что известно под названием «марксистско-ленинская эстетика». В ее рамках человеку отводилась роль социального субъекта, эмоционально адаптирующегося к идеологическим постулатам. Во второй половине XX в. советская эстетика, пытаясь смягчить давление жесткого идеологического каркаса марксизма, стала искать свое место в контексте проблем истории культуры, сблизившись с проблематикой культурологии, заменившей модель социально-идеологической целостности моделью социокультурной целостности. Проблематика эстетики существенно раздвинулась при рассмотрении фундаментальных основ искусства и практической эстетики в системе культуры, но преобладание индуктивно-описательной культурологической методологии изучения функциональных междисциплинарных связей внутри культуры не способствовало разработке собственных теоретических проблем эстетики как философской науки.

С начала XXI в. отечественная эстетика стала стремительно осваивать актуальные западноевропейские теоретические тренды в постмодернистской редакции постструктуралистской, феноменологической и герменевтической эстетики. Настроившись на волну исторического пессимизма и ценностного разочарования позднего постмодернизма, российская эстетика упустила из внимания предшествующую фазу исторического развития европейской эстетической мысли, когда философия, искусство, эстетика были заняты решением острейших мировоззренческих проблем: экзистенциальных личностных поисков, морального выбора и ответственности за него, противоборства эстетических и нравственных цен-

ностей, художественно-интеллектуальной рефлексии жизни личности, антагонизма элитарной и массовой культуры – проблем, поставленных прежде всего философией французского и немецкого экзистенциализма. Не осмыслив всю полноту содержания модерна в культурном контексте XX в., не прожив его на собственном интеллектуальном опыте, и не связав его с традицией российского культурного самосознания, отечественная эстетика сосредоточилась на обсуждении актуальной проблематики чувственного опыта и всеобщей эстетизации, что пока не привело ее к самостоятельным теоретическим прорывам и не принесло успеха на международном уровне. По-видимому, историческая логика требует более последовательного усвоения мировоззренческого опыта предшествующих фаз развития эстетической мысли.

Дискуссии о предмете эстетики

С ослаблением эвристического потенциала постмодернизма общей мировой тенденцией концептуализации эстетики вновь стало обсуждение самого ее предмета, выявления специфического качества феномена эстетического, что заставило обратиться к времени утверждения ее самостоятельного статуса в системе философских наук и к идеям ее родоначальников Александра Баумгартена и Иммануила Канта. Жак Рансьер противопоставляет их трактовки эстетического на том основании, что Баумгартен определял предмет эстетики как чувственное познание, а кантовская «Критика способности суждения», по мнению Рансьера, «не знает “эстетики” как теории. Она знает только прилагательное “эстетическое”, которым обозначается тип суждения, а не область предметов». (Rancier, 2004, 12-13) Но говоря о различии позиций немецких философов, нельзя не учитывать, что Баумгартен рассуждал как представитель эпохи Просвещения, еще не включившей в свой мировоззренческий горизонт содержание мира культуры и свободы деятельности субъекта, поэтому он имел в виду автономного человека, опирающегося на механизмы своего сознания: память, ассоциации, предвидение. Хотя, определяя эстетику как чувственное познание, он следовал принятому в то время противопоставлению чувственного и рационального,

главным в мировоззрении Баумгартена был основополагающий для эпохи Просвещения идеал целостного человека. Он исходил из представления о полноте человеческой чувственности, воплотившейся в красоте как *совершенном* чувственном познании. Такое понимание разделялось многими мыслителями Просвещения, убежденными в том, что заложенное в природе человека единство деятельности разума и чувства, духа и воли, является залогом не только его собственной внутренней гармонии, но и гармонии с миром, и что их нужно развивать ради совершенствования природы человека. Так, Иоганн Гердер, полагавший человека «высшей формой организации, достижимой на земле», считал, что такая организация может возникнуть в результате деятельного становления человека, проходящего через всю его жизнь:

Мне хотелось бы вместить в одно слово – «человечность» – все сказанное о благородном складе человеческого существа, предрасполагающем человека к разуму и вольности, к тонким чувствам и влечениям, к хрупкости и выносливости тела,... ведь чтобы говорить о своем человеческом предназначении, нет у человека слова более благородного, чем само слово «человек», в котором запечатлен образ творца земли, насколько он может стать зрим на этой земле. (Herder, 1977, 107)

Почти через пятьдесят лет после Баумгартена Кант, уже как мыслитель предромантизма, вывел эстетику за рамки обсуждения когнитивных проблем и обозначил ее особое место в самоопределении существования трансцендентального субъекта в свободном творчестве в сфере чувственно-смысловых коннотаций. Кантовский диалектический метод позволил преодолеть разрыв между эмпиризмом индивидуальной чувственности и всеобщностью рационального познания, объединив их *эстетическим*, как особой формой чувственно-сверхчувственной активности сознания. Таким образом, и мыслители Просвещения, и прежде всего Кант, рассматривали эстетическое именно как проявление полноты и внутреннего единства человеческого существа.

Эстетика XXI в., приняв эстафету от феноменологии, взяла за основу понятие эстетический опыт, как чувственный опыт индивида в его непосредственном соприкосновении

с вещественным миром. Что бы ни подразумевалось под тезисом Рансьера о разделении чувственного, как бы ни связывались автономность индивидуальной чувственности с коллективным опытом, речь идет о том, что – «эстетическое состояние есть чистое зависание, момент, когда форма испытывается сама по себе», то есть акцент ставится на индивидуации чувственного восприятия предмета, на внеэстетическом существовании человека в режиме эстетического. (Rancier, 2007, 26) Между тем, Микель Дюфрен, яркий представитель феноменологической эстетики середины XX в., полагал под эстетическим опытом не только чувственное восприятие, но и ощущение человеком себя органической частью Природы, обладающей своей личностной самобытностью в общей структуре бытия:

Сознание пробуждается в уже обустроенном мире, в котором оно находит себя наследником традиции и обладателем истории и само начинает новую историю..., оно адаптируется к характеристикам природы или общества, хотя эти характеристики обладают трансцендентальным смыслом лишь относительно сознания. (Dufresne, 2014)

Таким образом, Дюфрен считал, что «возможна эстетика, не отказывающаяся от эстетической оценки, не порабощённая ею». (Dufresne, 2014)

В широком смысле понятие чувственный опыт по сути не противоречит опыту со-чувствия, как сообщаемости человека с миром человеческих смыслов, соединяющих индивидов в человечество. Опыт сочувствия/сопереживания возникает в процессе эстетической рефлексии чувствования, когда рождается особый феномен чувства-смысла. Но для этого нужно допустить возможность проникновения в существование *другого*, будь то культурно-исторический мир или мир другого человека. Если же принять, что человек пребывает в реальности непримиримого спора (*распри*) между личностью и иными мирами, когда «я» смутно опознает свое существование только через отклонение от других «я», то невозможно говорить об общечеловеческой ценности эстетического чувства. Между тем, в «Эстетике чистого чувства», как об этом писала исследо-

ватель философии Г. Когена Т. А. Акиндинова, Коген раскрыл природу формирования особого содержания эстетического чувства как нового рода творческого сознания через любовь человека к человеку в единстве его души и тела. (Akindinova, 2006)

Эстетика присутствия изолирует лишенного идентичности эмпирического человека от опыта истории (прошлого и будущего), помещая его в хронотоп чувственной вовлеченности в событийность каждого отдельного момента настоящего. В событии опыта интенсивной чувственности человек существует как живое эмпирическое тело, *здесь и сейчас* чувственного опыта; образ реальности при этом утрачивает метафизическое, психологическое, символическое, мифологическое измерение, превращаясь в совокупность событий и фактов. По словам М. Ямпольского,

эстетическое переживание становится формой самоощущения. Это время присутствия, время интенсивности, изъятое из хронологии. Искусство перестало двигаться вперед, одно направление больше не сменяет другое, и никто больше не может претендовать на большую актуальность, чем другой. (Yampolsky, 2018, 116)

Не удивительно, что все чаще предметом рассмотрения эстетики становится не понятие искусства во всем объеме его содержания, а артпрактики, культивирующие формы новизны эстетической презентации:

если раньше искусство ориентировалось на недостижимое прошлое, а потом на неопределенное настоящее, то сегодня на первый план выдвигается кайрос – счастливый момент аффекта. (Yampolsky, 2018, 114)

Между тем, еще в середине XX в. К. Ясперс предостерегал, что в таком случае

мир духовной действительности, из которого должен вырасти индивид для того, чтобы ему в духовной сфере удалось пребывающее, больше не окружает его...Человеку угрожает случайность, и в ней он не движется вперед, а растрчивает себя». (Jaspers, 1994, 366)

Ясперс, исповедовавший принципы экзистенциальной философии, писал о неспособности к движению самобытия, «солипсически замыкающегося в себе в качестве существования», в то время как «экзистенциальная философия апеллирующе вопрошает, благодаря чему человек пытается сегодня вновь прийти к самому себе». (Jaspers, 1994, 388) Транслируя опыт *презентизма*, искусство утверждает, по его мнению,

оппозицию подлинному человеку в пользу того настоящего, которое есть лишь чистое «теперь»... В той мере, в какой искусство унизилось до осуществления этой функции, оно лишено этоса... У него неизбежно отсутствует то, что было свойственно эпохам бесспорной нравственной субстанции, – связь содержания... Существование видит в нем лишь свою витальность или ее отрицание; оно обретает иллюзии другого существования: романтику техники, воображение формы, богатство в изобилии наслаждения в существовании...веселую чепуху и жизнь, которая в бессмысленном риске как будто преодолевает себя. (Jaspers, 1994, 368-369)

Итак, мы видим главную точку преткновения в отношениях современной и классической эстетики в понимании специфики эстетического. Вся традиция развития эстетики, по крайней мере с времени ее становления как фундаментальной составляющей философии, строилась на понимании целостного человека, стремящегося к обретению полноты своего бытия в мире во взаимопроникновении чувственного и сверхчувственного. Между прочим, и в отечественной эстетике, от Чернышевского до Достоевского, от Толстого до Владимира Соловьева и, конечно, Бахтина эстетическое мыслилось как важнейшая составляющая смысложизненного самознания и жизнетворчества человека. Даже в советской эстетике 1960-70-х гг., в период т. н. «оттепели», когда философы отстаивали значимость полноты и суверенности человеческой личности, не выводимой из идеологического императива, большое внимание, было уделено проблеме взаимосвязи эстетического и этического в становлении ценностного самознания и самостояния человека. В эти же годы были опубликованы многие, неизвестные ранее, работы Бахтина,

под влиянием которых в отечественную эстетику вошли проблемы эстетического самоопределения личности как формы «гуманитарного мышления» в целом.

В современной эстетике преобладает противоположная тенденция противопоставления антропологического, экзистенциального и социального содержания человека, сводящая эстетическое к чувственному опыту антропологического индивидуума. Сферой свободы человека считается только суверенность чувствования, как единственная возможность реального соприкосновения индивида с бытием в его материальности, что и составляет концепцию *эстетики присутствия*. Но, как справедливо отмечает Ямпольский, «освободившись от ценностного мерила, прогресс начинает буксовать. Движение в будущее невозможно без традиции, которую само это движение уничтожает». (Yampolsky, 2018, 11) Эстетические потребности превращаются в желание все новых и новых форм усиления эффектов интенсивности чувственного. В этом соревновании чувственных соблазнов индивиду трудно сохранить свою свободу без личностной экзистенциальной осознанности и ответственности. Как показывает история тоталитарных обществ XX в., именно эмоционально-чувственная сфера становится объектом манипулирования политической пропагандой, подавляющей волю к сопротивлению безличностного субъекта. Так называемая *всеобщая эстетизация* по сути настраивает на восприятие формы как таковой, стимулируя процессы *дизайнизации* жизненной среды, что не способствует формированию самосознания как сознания моего бытия, необходимого для утверждения целостного человека, а ведь

человек для того, чтобы остаться человеком, должен пройти через осознание... Сознательность стала для нас в нашем существовании условием, при котором может прорваться подлинное, утвердиться безусловное, станет возможным тождество с собственной историчностью. (Jaspers, 1994, 376)

Самоопределение российской эстетики в современном историко-культурном контексте

Куда же в современной социально-исторической ситуации пойдет отечественная эстетика? Обретет ли она собственное лицо или полностью растворится в общем тренде автономизации эстетической чувственности? Конечно, научная мысль свободна двигаться по собственной логике, не выводимой из социальных обстоятельств. И все же эстетику, как часть гуманитарного мышления, не может не заботить состояние человека. Движение теоретической эстетики невозможно изолировать от социального, культурного и исторического контекста. Их совместное рассмотрение многое объясняет и в происхождении современных концептов *Homo aestheticus* и *эстетики присутствия*. Один из лидеров последней Х. У. Гумбрехт на примере осмысления опыта жизни послевоенных поколений немецкого общества осуществил бескомпромиссный анализ состояния европейского исторического самосознания, назвав его «латентным». Латентность – это подспудное состояние, которое можно охарактеризовать как «нет выхода/нет входа», как невозможность избавиться от давления прошлого, вследствие которого, утрачивается уверенность в себе и надежды на исторический прогресс, а личность полностью дезориентирована. Гумбрехт задает вопрос: как можно вырваться из «закупоренного» хронотопа, в котором существовали многие поколения? – «как возможно жить в мире, где действие и самоидентичность стали такими текучими, где субстанция и форма кажутся настолько недостижимыми?» (Humbrecht, 2018, 168) Философ находит выход, видя в состоянии латентности исток нового порядка времени как «непрозрачной поверхности вещей и событий» вместе с «потрясающим ритмом возможностей и невозможностей, внутри которых мы (и все будущие поколения) должны будем ориентироваться». (Humbrecht, 2018, 316-317) По его мнению, «новое “расширенное” настоящее симультанностей вменяет... субъекту новый тип отношения к себе как возвращение к более чувственной жизни». (Humbrecht, 2018, 303-304). Но не является ли этот путь очередным самообманом? Ведь сам Гумбрехт убедительно показал, что для европейской культуры оказалось невозможным освободиться от переживания травматического

исторического опыта бесконечных саморазоблачений, взаимных обид и претензий. Так не является ли желание облегчить свое существование погружением в одномоментность чувственных эффектов слабовольным отказом от честного опыта проживания своей судьбы ради обретения своей подлинной экзистенции? Вероятно, Гумбрехт сумел преодолеть усталость от проживания своей европейской наследственности только когда переехал в США, где была написана его главная книга по эстетике «Производство присутствия: Чего не может передать значение?».

Для современного же состояния российского общества подобный выбор представляется не только слабовольным, но и безответственным. Нельзя не переживать и не задумываться над причинами не только когнитивного, но и ценностного диссонанса, охватившего наших соотечественников. Мы видим оскудение нравственно-ценностного содержания сознания людей, их интеллектуальную вялость, ведомость как определяющую модель поведения, т. е. усеченную субъектность, с атрофией свободы и ответственности, самосознания и поступка, и таких личностных измерений в сфере эстетической – как сопереживание, эстетическая рефлексия и выбор, а в сфере нравственной – как совесть, достоинство, способность к состраданию и потребность в любви. А это оказывается благоприятной почвой для любых манипуляций жизненными ориентациями людей.

Такое положение имеет много причин, но если выделить их эстетический и художественный аспекты, то, в первую очередь, становятся очевидными проблемы экзистенциально-личностного характера. И здесь опять хочется обратить внимание на предпосылки, сложившиеся еще в советское время. Ведь, начиная с 1930-х и до середины 1980-х гг., в советском искусстве и в эстетике доминировала позиция первичности идеологии над всеми другими содержаниями. В этом контексте формировалось сознание нескольких поколений. Характерно, что как только в 1990-х гг. закончилась практика идеологизации эстетического и художественного сознания, эстетика, как обязательная дисциплина гуманитарного комплекса, была исключена из образовательного стандарта выс-

шей школы и эстетическое развитие личности было пущено на самотек. Многие прежние марксисты переквалифицировались в постмодернистов, а молодое поколение теоретиков эстетики погрузилось в освоение постмодернистской философии, наверстывая упущенные десятилетия философского застоя. Это нормальный и позитивный процесс, но, как это часто бывает – «ребенок был выплеснут» – вся традиция как домарксистской, так и немарксистской эстетики стала расцениваться как архаизм, подлежащий критике и забвению. Отечественная актуальная эстетическая мысль по отношению к предшествующим этапам эстетической теории заняла позицию ригоризма, противопоставляющего чувства – смыслам и ценностям, событийность – экзистенциальному диалогу, знаки – символам, философию чувственности – философии искусства, актуальность – историзму.

На мой взгляд, позиция противопоставления классической и современной эстетики противоречит самой логике развития научной мысли. В. С. Библер когда-то обозначил модель движения научного мышления так: «Я – карлик на плечах у гигантов». Вся история эстетической мысли убеждает, что от античности до середины XX в. шли поиски новых смыслов целостности бытия человека в мире во взаимодействии чувства и разума, эстетических и нравственных ценностей, индивидуального и всеобщего. Поэтому вместо противопоставления традиции и актуальности, классической и неклассической эстетики, духовно-ценностных смыслов – чувственному опыту и событийности, продуктивней искать основания их взаимодополнительности и диалога.

Итоги

Если вспомнить, когда и как российская культура достигала творческих прорывов (например, в т. н. «золотой» и «серебряный» периоды ее развития), то можно увидеть, что и в XIX и XX вв. она обретала свое лицо, находя собственные смыслы внутри европейской традиции, но отвечая на вопросы российской жизни, погружаясь в глубины российского самосознания. Конечно, речь не идет о развороте в сторону прагматических целей исцеления общества. К тому же теоретическая эстети-

ка весьма удалена от реальной эстетической и художественной жизни отдельного человека, но тем не менее ее влияние на ориентации искусства и направленность эстетической культуры в целом весьма существенно. Поэтому для самоопределения и развития российской эстетики в сложившемся в настоящее время социальном контексте наиболее важными позициями представляются современное осмысление идейных традиций самосознания отечественной культуры, разработка фундаментальных проблем включенности эстетики в систему исторического мировоззрения, обогащение актуальной эстетики смыслами экзистенциальной философии, исследование современных ракурсов взаимосвязи этического и эстетического в искусстве. С этих позиций российская эстетика может обрести собственное лицо, включившись в мировую дискуссию об определении предмета эстетики.

REFERENCES

- Akindinova, T. A. (2006). *Hermann Cohen als moderner Philosoph*. Annaehrun- gen: Polen – Deutschland. 1 (42) Wroclaw. (In German)
- Dufresne, M. (2014). Introduction: Aesthetic Experience and Aesthetic. In *Phenomenology of Aesthetic Experience* (E. V. Zolotukhina-Abolina, Trans.). Rus. Ed. *Horizon*, 3(2). Retrieved from https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fcyberleninka.ru&cc_key=Cyberleninka.ru. (In Russian)
- Herder, I. (1977). *The Idea of Philosophy and the History of Mankind*. Rus. Ed. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Humbrecht, H. U. (2018). *After 1945. Latency as a Source of the Present* (K. Golubovich, Trans.). Rus. Ed. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russian)
- Jaspers, K. (1994). *The Meaning and Purpose of History*. Rus. Ed. Moscow: Respublika. (In Russian)
- Rancier, J. (2007). *Aesthetic Unconscious* (V. E. Lapitsky, Trans.). Rus. Ed. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo Universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian)

Rancier, J. (2004). *The Distribution of the Sensible* (V. E. Lapitsky, Trans.). Rus. Ed. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian)

Yampolsky, M. B. (2018). *Without a Future. Culture and Time*. Rus. Ed. Saint Petersburg; Poryadok Slova. (In Russian)